

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Григорий
Горин

Забывать
Герострата!

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Григорий Горин
Забывать Герострата!

«ФТМ»

1972

Горин Г. И.

Забуть Герострата! / Г. И. Горин — «ФТМ»,
1972 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Знаменитая пьеса Григория Горина, несмотря на то, что по своим характеристикам относится к жанру трагикомедии, на самом деле – одна из лучших философских пьес второй половины 20-го века. С необычайно редкой для искусства темой, а именно – темой места человека в истории. В качестве нашего Вергилия-проводника выступает некто, называемый Человеком театра, существующий на заднем плане разворачивающихся событий, хотя иногда и вступающий в диалог с отдельными персонажами. Общая же канва известна уже из учебников истории: живущий в Эфесе, покорённом персами, грек Герострат, обанкротившись, решает сжечь Храм Артемиды, чтобы увековечить своё имя. Как мы можем судить про прошествии более 2300 лет, его план полностью удался. Именно для того, чтобы разобраться в тех событиях, и приходит Человек театра. Поначалу всё складывается как должно, народ негодует, требует смерти вандала. Но из-за нерешительности повелителя Эфеса Тиссаферна, легко поддающегося под чужое влияние, казнь Герострата откладывается, и тому, чьё имя известно в веках, в отличие от создателей храма, удаётся склонить ситуацию в свою пользу...

© Горин Г. И., 1972

© ФТМ, 1972

Содержание

Действующие лица	5
Часть первая	6
Картина первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Григорий Горин Забывать Герострата!

Действующие лица

Человек театра.

Тиссаферн – повелитель Эфеса, сатрап персидского царя.

Клементина – его жена.

Клеон – архонт-басилей Эфеса.

Герострат.

Крисипп – ростовщик.

Эрита – жрица храма Артемиды.

Тюремщик.

Первый горожанин.

Второй горожанин.

Третий горожанин.

Место действия – город Эфес. Время действия – 356 год до нашей эры.

Часть первая

Вначале – шум, крики, стоны, грохот падающих камней, а затем сразу наступает тишина. Зловещая тишина. Всего несколько секунд тишины, которые нужны людям, чтобы понять случившееся и предаться слезам и отчаянию... На авансцене – Человек театра.

Человек театра. В четвертом веке до нашей эры в греческом городе Эфесе сожжен храм Артемиды. Сто двадцать лет строили его мастера. По преданию, сама богиня помогала зодчим. Храм был так великолепен, что его внесли в число семи чудес света. Толпы людей со всего мира стекались к его подножию, чтобы поклониться богине и поразиться величию дел человеческих. Храм простоял сто лет. Он мог бы простоять тысячелетия, а простоял всего сто лет. В роковую ночь триста пятьдесят шестого года житель Эфеса, базарный торговец по имени Герострат, сжег храм Артемиды.

Картина первая

Человек театра зажигает тусклый бронзовый светильник. Высвечивается тюремная камера.

Человек театра. Тюрьма города Эфеса. Каменный мешок. Мрачный подвал. Древние греки умели воздвигать прекрасные дворцы и храмы, но не тюрьмы. Тюрьмы во все времена строились примитивно... (*Ищет, куда бы сесть; не найдя, отходит к краю сцены.*)

За кулисами слышится какая-то возня и брань. Открывается дверь, здоровенный Тюремщик втаскивает в камеру Герострата. У Герострата довольно потрепанный вид: хитон разорван, на лице и руках ссадины. Втащив Герострата в камеру, Тюремщик неожиданно дает ему сильную оплеуху, отчего тот летит на пол.

Герострат. Не смей бить меня!

Тюремщик. Молчи, мерзавец! Прибью! Зачем только воины отняли тебя у толпы?! Там, на площади, могли сразу и прикончить! Так нет, надо соблюдать закон, тащить в тюрьму, марать руки... Тьфу!

Герострат (*поднимаясь с пола*). И все-таки ты не имеешь права бить меня. Я не раб — я человек!

Тюремщик. Заткнись! Какой ты человек? Взбесившийся пес! Сжег храм! Это что же?! Как можно на такое решиться?! Ну ничего... Завтра утром тебя привяжут ногами к колеснице и твоя башка запрыгает по камням. Уж я-то полюбуюсь этим зрелищем, будь уверен.

Герострат. Лайся, лайся, тюремщик. Сегодня я слышал слова и покрепче. (*Стонет.*) Ой, мое плечо! Они чуть не сломали мне руку... Ох, как болит. Дай воды!

Тюремщик. Еще чего!

Герострат. Дай воды. У меня пересохло в горле, и надо обмыть раны, иначе они начнут гноиться.

Тюремщик. Э-э, парень, ты и вправду безумец! Тебя завтра казнят, а ты волнуешься, чтоб не гноились раны...

Герострат (*кричит*). Дай воды! Ты обязан принести воду!

Тюремщик (*подходит к Герострату и вновь дает ему оплеуху*). Вот тебе вода, вино и все остальное! (*Собирается уходить.*)

Герострат. Постой, у меня к тебе есть дело.

Тюремщик. Не желаю иметь с тобой никаких дел!

Герострат. Подожди! Смотри, что у меня есть. (*Достает серебряную монету.*) Афинская драхма! Если выполнишь мою просьбу, то получишь ее.

Тюремщик (*усмехаясь*). И так получу. (*Надвигается на Герострата.*)

Герострат (*отступая*). Так не получишь!

Тюремщик (*продолжая надвигаться*). Уж не думаешь ли бороться со мной, дохляк? Ну?! (*Протягивает руку.*) Дай сюда!

Герострат. Так не получишь! Так не получишь! (*Сует монету в рот, давась, проглатывает ее.*) Теперь тебе придется подождать моей смерти.

Тюремщик (*опешив*). Ах ты!.. (*Секунду смотрит на Герострата, раздумывая, нельзя ли каким-нибудь путем вытрясти из него монету, потом плюет с досады и поворачивается, чтобы уйти.*)

Герострат. Стой!

Тюремщик. Чего еще?

Герострат. У меня еще монета. (*Достает новую монету.*)

Тюремщик тут же делает попытку подойти к Герострату.

Оставь! Клянусь, она ляжет в животе рядом с первой! Будешь слушать или нет? Ну? Не заставляй меня глотать столько серебра натошак.

Тюремщик (*сдаваясь*). Чего ты хочешь?

Герострат. Вот это уже разговор... Знаешь дом ростовщика Крисиппа?

Тюремщик. Знаю.

Герострат. Пойдешь туда и скажешь Крисиппу, что я прошу его немедленно прийти ко мне.

Тюремщик. Чего выдумал! Станет уважаемый гражданин бежать в тюрьму на свидание с мерзавцем!..

Герострат. Станет! Скажешь ему, что у меня для него есть дело. Выгодное дело! Слышишь? Скажи: очень выгодное дело. Оно пахнет целым состоянием, понял? А когда он придет, я дам тебе драхму... И вторую! (*Достаёт монету.*) Это настоящие серебряные драхмы, а не наши эфесские кружочки. Ну? Чего ты задумался? Или тюремщикам повысили жалованье?

Тюремщик. Ох мерзавец! В жизни не видел такого мерзавца. Ладно, схожу. Но если ты меня обманешь, то, клянусь богами, я распорю тебе живот и получу все, что мне причитается. (*Уходит.*)

Герострат, задумавшись, ходит по камере, потирая ушибленное плечо. Человек театра наблюдает за ним.

Герострат. Зачем ты явился к нам, человек?

Человек театра. Хочу понять, что произошло более двух тысяч лет назад в городе Эфесе.

Герострат. Глупая затея. К чему ломать голову над тем, что было так давно? Разве у вас мало своих проблем?

Человек театра. Есть вечные проблемы, которые волнуют людей. Чтобы понять их, не грех вспомнить о том, что было вчера, недавно и совсем давно.

Герострат. И все-таки бестактно вмешиваться в события столь отдаленные.

Человек театра. К сожалению, я не могу вмешиваться. Я буду только следить за логикой их развития.

Герострат. Что ж тебя сейчас интересует?

Человек театра. Хочу понять: тебе страшно?

Герострат (*вызывающе*). Нисколько!

Человек театра. Это реплика для историков. А как на самом деле?

Герострат. Страшно. Только это не такой страх, какой был. Это четвертый страх.

Человек театра. Почему четвертый?

Герострат. Я уже пережил три страха. Первый страх пришел, когда я задумал то, что теперь сделал. Это был страх перед дерзкой мыслью. Не очень страшный страх, и я поборол его мечтами о славе. Второй страх охватил меня там, в храме, когда я лил смолу на стены и разбрасывал паклю. Этот страх был посильнее первого. От него задрожали руки и так пересохло во рту, что язык прилип к небу. Но и это был не самый страшный страх, я подавил его вином. Десяток-другой глотков! От этого не пьянеешь, но страх проходит... Самым страшным был третий страх. Горел храм, уже валились перекрытия, и рухнула одна из колонн – она упала, как спиленный дуб, и ее мраморная капитель развалилась на куски. А со всех сторон бежали люди. Никогда ни на какой праздник не сбегалось столько зевак! Женщины, дети, рабы, метеки, персы... Всадники, колесницы, богатые и бедные граждане города – все бежали к моему костру. И орали, и плакали, и рвали на себе волосы, а я взбежал на возвышение и крикнул: «Люди! Этот храм сжег я. Мое имя Герострат!!!» Они услышали мой крик, потому что сразу стало тихо, только огонь шипел, доедая деревянные балки. Толпа двинулась на меня. Двинулась молча. Я и сейчас вижу их лица, их глаза, в которых светились отраженные языки пламени. Вот тогда пришел самый страшный страх. Это был страх перед людьми, и я ничем

не мог его погасить... А сейчас четвертый страх – страх перед смертью... Но он слабее всех, потому что я не верю в смерть.

Человек театра. Не веришь? Неужели ты надеешься избежать расплаты?

Герострат. Пока, как видишь, я жив.

Человек театра. Но это пока...

Герострат. А зачем мне дана голова? Надо придумать, как растянуть это «пока» до бесконечности.

За стеной слышны шум, крики, звуки борьбы.

Человек театра. Боюсь, у тебя не осталось времени для раздумий, Герострат. Там, у входа, толпа. Она ворвалась в тюрьму!.. Сюда идут...

Герострат (*в страхе*). Они не имеют права!.. Это самосуд! (*Кричит.*) Эй, стража! Воины! Помогите! (*Мечется по камере.*) Сделай что-нибудь, человек! Останови их!

Человек театра. Я не имею права вмешиваться.

Герострат. Но так нельзя! Надо соблюдать законы!

Человек театра. Странно слышать эти слова от тебя...

Распахивается дверь, в камеру врываются три горожанина.

Герострат. Кто вы? Что вам надо?..

Первый горожанин. Выходи!

Герострат. Вы будете за это отвечать!.. Подонки! Безмозглые скоты! Не смейте ко мне прикасаться!

Третий горожанин. Он еще лает, подлец! Вяжи его!

Второй горожанин (*надвигаясь на Герострата*). Выходи, Герострат. Сумей достойно встретить смерть.

Герострат. Кто дал вам право?! Идиоты!.. (*Почти плачет.*) Не трогайте меня... Прошу вас...

Второй горожанин (*кладет руку на плечо Герострату*). Пошли.

Быстро входит Клеон, высокий седовласый мужчина лет пятидесяти. На нем дорогой белый гиматий (что-то вроде плаща), отделанный красной каймой.

Клеон (*властно, горожанам*). Оставьте его!

Увидев Клеона, горожане послушно отпускают Герострата.

Кто вы?

Первый горожанин. Мы граждане Эфеса.

Клеон. Ваши имена?

Второй горожанин. Зачем они тебе, Клеон?.. Мы ничем не знамениты. Я каменщик, он – гончар, этот – (*указывает на третьего*) цирюльник.

Клеон. И все-таки, почему вы не хотите назваться?

Второй горожанин. Мы говорим не от своего имени, архонт. Нас послал народ.

Клеон. Чего хочет народ?

Первый горожанин. Народ хочет судить Герострата.

Клеон. Суд состоится завтра или послезавтра – в тот день, когда я назначу.

Первый горожанин. Народ взбешен. Он считает, что ни к чему откладывать...

Третий горожанин. У нас чешутся руки на этого подлеца!..

Клеон (*сердито перебивая*). Народ избрал меня своим архонтом! Или имя Клеона ничего не значит больше для эфесцев?! Тогда переизберите меня! Но пока я верховный судья, в городе будут соблюдаться закон и порядок! Так и передайте толпе, которая вас прислала.

Первый горожанин. Мы передадим, но как она поступит – неизвестно.

Клеон. Самосуда не допущу! Все должно быть по закону. А закон гласит: каждый, кто убьет преступника до суда, сам достоин смерти! Это решение принято Народным собра-

нием, и его никто не отменял. Герострат будет наказан, клянусь вам! Вы не верите моему слову?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.